

Ольга Павловская

*Клинический психолог, сертифицированный психоаналитик,
тренинговый аналитик ЕКПП, супервизор УАП, переводчик,
преподаватель клинического психоанализа не-невротических пациентов,
член Дивизиона “Психоаналитическая психология и психотерапия”
Национальной психологической ассоциации Украины.
<https://orcid.org/0000-0002-9805-9400>*

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ПРИСУТСТВИЯ И ОТСУТСТВИЯ ПРИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ ОНЛАЙН

В психоанализе понятия присутствие/отсутствие возвращает нас к работе Фрейда “По сторону принципа удовольствия”, в которой в игре ребенка в присутствие/отсутствие (игра Fort-Da) Фрейд (1920) обнаружил аспекты зарождения процесса символизации: переход от действия к слову, проживание утраты и избывание аффекта от травмы потери объекта, и как результат, возможность трансформации реальности [11].

G. Kohon (2020) подчеркивает, что: «в аналитической ситуации для аналитика доступ к динамике присутствия/отсутствия возможен благодаря работе негатива». Работа негатива емкое и многозначное психоаналитическое понятие, я бы хотела в своем докладе сконцентрироваться на узком, можно сказать, классическом фрейдовском значении негатива: да-нет; отсутствовать-присутствовать; видимый-невидимый; явный-сокрытый [9].

Я постараюсь в своих размышлениях о динамике присутствия/отсутствия проложить три маршрута, которые будут в докладе пересекаться:

- присутствие-отсутствие тел аналитика и анализанта на сеансе — речь о работе онлайн;

- присутствие-отсутствие психического материала (ассоциации, сны, переносные чувства) с точки зрения слушания аналитика;

- особенности динамики присутствие-отсутствие при работе с не-невротическими пациентами.

Работа онлайн, уже ставшая нашей реальностью, актуализирует различные фантазии и переживания, которые могут стать распознаваемы аналитиком в связи с изменением в условиях работы, условиях сеттинга. Отношения аналитика и анализанта изначально многоуровневые, несомненно, что психоанализ отводит первостепенное место речи, но при работе онлайн можно попытаться понять как меняется вид диалога, совершает ли анализант движение вовне к Другому, дает ли аналитику возможность совершить движение внутрь. При работе онлайн аналитик и анализант используют главный канал для творения и общения - голос. Так как при работе онлайн отсутствуют тела, то именно голос, обеспечивает главное присутствие.

Отсутствие тела порождает парадоксальную ситуацию избыточного присутствия голоса. Французский психоаналитик Г. Розолато (1974), большой любитель оперы, написал работу «Голос: между телом и языком», касающуюся роли голоса в формировании телесного Я - его роли как «акустического зеркала», находящегося на полпути между телом и языком. Он рассматривал материнский голос как звуковую оболочку Я, начиная с утробы матери, обволакивающую Я ребенка [4]. Акустическое зеркало является частью сонорного телесного зеркала, описанного Д. Анзье (1994) как нечто функционирующее между матерью и ребенком, одновременно объединяя и разъединяя их. Голос задействует одновременно мысль и тело [6].

Одна из функций голоса, наряду с другими частичными объектами влечений: взглядом, мышцами руки и т.д. - дотянуться до Другого. То есть, с помощью использования голоса

как вспомогательного объекта, расположенного в недрах тела можно достичь Другого, дотянуться до объектов вне себя и своего тела [7]. Такое движение указывает на переход влечения в объект и на возможность поддержания значимой инвестиции объектов [9].

Британский публицист и культуролог S. Connor (2004) подчеркивает: «для младенцев голос - это первое схватывание, способ извлекать и переносить объекты желания, когда другого пути для этого просто не существует; ребенок в кроватке передает сообщения в мир с помощью голоса. Ребенок, который научился координировать взгляд и руку для захвата и переноса предметов, видимо помнит, что голос может достигать большего, чем кулак или пальцы» [1].

Автор идентифицирует голос в основном как расширение способов дотянуться до другого, как способ притягивать то, до чего физически невозможно дотянуться. Он сравнивает голос с телефонным проводом, который тянется и возвращается назад, как язык лягушки. Он отмечает, что в латинских языках коннотация слова «языки»: удлинение. Мы действительно в речи поддерживаем это, говоря: «Оставайся на связи», «Я потерял нить разговора». Можно сравнить издание звуков (пение, плач, крик, напряженное кряканье, вздыхание, покашливание и т.д.) - с забрасыванием петли лассо, удочки рыбака в сторону Другого [1].

Важно, что все эти стремления выйти за пределы тела должны быть распознаны и поддержаны Другим. Тогда ребенок получит опыт трансформации реальности. Альтернативой стремления достичь Другого с помощью вспомогательных объектов становится отказ от связи с Другим.

Мой клинический опыт онлайн работы с анализанткой с врожденной патологией слуха, убеждает меня в важности поддерживать анализантку в ее способности дотягиваться до Другого. Врожденная патология слуха, изменила нарциссическое

инвестирование ею собственного тела и его потенциальных возможностей, что повлияло на ее фантазийную жизнь, в которой привилигированным объектом стал взгляд, избыточность которого вызывает у нее параноидную тревогу.

М. Dos Santos (2017), анализируя связь музыки и психоанализа, указала на параллели между психоанализом и шаманизмом, подчеркивая, что сексуализация, пронизывающая ритуалы; дуализм влечения к жизни и смерти, символическая игра, переходность процессов; агрессия и деструкция - роднят эти практики. Психоанализ находится в динамическом поле, постоянно находящимся в движении, связанном с человеческой природой: это игра на границе прошлого-будущего, внутреннего-внешнего, присутствия-отсутствия [5].

Клинические описания.

Хотела бы привести два примера из клинической практики, когда внешнее событие: переход в онлайн вызвало различные эффекты.

Первый случай: мужчина, 38 лет

Всем своим внешним видом, двигательной активностью, скоростью мышления анализант демонстрирует некое избыточное присутствие в своем теле, которое он с помощью движений пытается изжить. У него большое количество видов занятий: бизнес, спорт, танцы, быт. Отдыха он почти не знает, заполняя себя бесконечными мыслями. Становится очевидным, что в его истории объектами посредниками между ним и Другим стали анальный объект, и его заменители деньги, манипулируя которыми, он практически гарантировано дотягивается до Другого. Особым смыслом наделены движения рук и заменители этого телесного органа, позволяющие ему осуществлять захват и удерживание в коммуникации с другими. Но и кастрационная тревога у него касается физического страха сломать руку, и, метафорически, «опустить руки» в смысле сдаться. Можно сказать, что в его психической реальности эти

объекты и их метанимические заменители являются привилегированными объектами, задающими вектор психического инвестирования. Своего отца анализант описывает как жестокого и импульсивного, а мать непоследовательной и достаточно беспомощной женщиной. Когда аналитик предложила анализанту продолжить работу онлайн в связи с локдауном, анализант отказался, говоря, что он будет ждать очных встреч. После окончания локдауна, он продолжил работу.

Второй случай, молодой парень, 27 лет

Единственный сын, неуверенной в себе, депрессивной матери, которую оставил муж и нарциссического захватывающего всеобщее внимание отца. Внешний вид анализанта производит парадоксальное впечатление: присутствует заметная робость движений, смущение во взгляде, что производит впечатление общей телесной вялости, но при этом у анализанта тренированное тело. Его запрос очень поверхностен, касается желаний, чтобы у него было то, что есть у других. Он обнаруживает слабый интерес к своей внутренней жизни, и в реальности много скучает, не знает как достичь целей и бывает буквально парализован ситуациями выбора. Такая позиция в переносе периодически сменяется поисками с его стороны особого места в терапии. Из личной истории стало понятно, что перед его рождением у матери были две неудачные беременности.

В ответ на предложение психоаналитика во время локдауна перейти к онлайн встречам, он соглашается, но после нескольких встреч отказывается и прерывает работу.

Коротко, хотела бы провести различия между этими двумя случаями. В обоих случаях мы сталкиваемся в неудачей инвестирования Я нарциссическим либидо.

В первом случае, анализант смог психически и телесно инвестировать свой нарциссический образ, миметическая функция которого позволяет ему учитывать Другого. Проводя различия между собой и другими, он настаивает на своих

локальных признаках, отличающих его от образа родителей. Неудачу он потерпел на этапе попытки выразить себя, и в рамках совместного переходного пространства представить другим свой образ: страх кастрации, исходящий от слишком грозного отца, заставляет его выходить за пределы тела в поисках удовольствий, а значит двигаться от аутоэротического удовольствия к внешним объектам реальности, но при этом, при разрушении совместного переходного пространства он испытывает тревогу, однако, способен восстанавливать его, тем самым удерживая связь с Другим. На мой взгляд, это возможно, благодаря его способности нарциссически инвестировать объекты, тем самым расширяя возможности для движения либидо. Предположу, что онлайн встречи с психоаналитиком на текущем этапе работы столкнули бы его с затруднением дотягиваться до Другого с помощью его привилегированных объектов и их заменителей: анальный объект и руки. Но при этом избыточное присутствие объектов влечений голос и взгляд, обеспечивающие главное присутствие при работе онлайн, столкнули бы его с избытком возбуждения и отсутствием психических инструментов изживания и трансформации этого возбуждения. Поэтому, прерывание дало ему возможность избежать слишком возбуждающей ситуации, при этом сохранив инвестирование и процесса, и аналитика.

Во втором случае, анализант потерпел неудачу в построении нарциссического образа, он буквально является оттиском, отпечатком образов своих родителей, плохо разделяя себя и их, его тревоги сосредоточены в страхе потери нарциссического объекта – который он достаточно слабо инвестирует. В этом случае преобладает отказ от связи с Другим. Анализант не столько защищается от избыточного вторжения Другого, как сталкивается с пустотой утраты в случае работы онлайн, так как это пространство для него становится радикально иным, неузнаваемым, чуждым. Поэтому, при изменении режима работы

он быстро теряет интерес, возвращая свое нарциссическое либидо на ранее занятые позиции в виде родительских образов.

Гипотезы

Как мы могли бы распознать, узнать, расслышать влияние этого события - перехода в онлайн - на ассоциативные движения на сеансе, на характер инвестирования анализантом сессии? Ответ: через то, какой психический материал отсутствует или присутствует на сеансе или какое движение вовне или внутрь является первостепенным.

Рассмотрим ситуацию при работе онлайн, когда анализант жалуется на кого-то в жизни или на аналитика, жалоба может быть и на усталость и т.д. Являются ли эти жалобы жалобой на покинутость, скорбью, видом погребального ритуала как в случае истерической жалобы, прикрывающей в конце концов разочарование в матери-аналитике? В жизни ребенок разворачивает причитания, жалобы, плач, нытье тогда, когда в семейной системе есть запрет на выражение страдания от покинутости. Мы должны задуматься не является ли такая ситуация ситуацией зеркального переноса при котором анализант как эхо матери вторит страданию аналитика, который свое страдание и утрату не признает. Возвращаясь к динамике присутствия - отсутствия: в описанном случае анализант присутствует на сеансе как эхо аналитика, но отсутствует как субъект своего собственного желания, он не может иначе появиться и вынужден быть эхом матери. Должен быть кто-то, кто это страдание - быть эхом другого - прекратит, иначе анализант оказывается на сеансе в ситуации человека, который звонит сам себе. [5]

Предположу, что работа онлайн может проявить подобную связь между анализантом и аналитиком, благодаря избыточному присутствию голоса как главного канала общения. Метафорически, эта ситуация указывает на трудность анализанта дотянуться до Другого, на трудность выйти за пределы своего тела и Я, и тем самым, остановив страдание, трансформировать реальность.

Восприимчивость к смене режима работы более свойственна не-невротическим анализантам, ведь их трудности связаны и с интрапсихическим измерением и с интерсубъективным. Невроз – это конфликт в интрапсихическом измерении. Не-невротики же сражаются сразу на двух фронтах: и с импульсами влечений, и с импульсами, исходящими от Другого. Как говорил Винникотт (1971), «психотическая мать, не то же самое, что достаточно хорошая мать» [8]. Это проявляется в переносе. Поэтому, любое избыточное присутствие (например, голоса) в аналитической ситуации будет влиять на характер инвестирования сессии и фигуры аналитика. Речь о таких видах инвестирования как нарциссическое и объектное.

Нарциссическое инвестирование всегда проходит по двум осям: инвестируется Я и инвестируется – не Я. У не-невротиков развитие нарциссизма потерпело неудачу, но нарциссизм является защитной конструкцией, именно формирование нарциссического образа дает возможность отказаться от деструктивности. Примером неудачи формирования нарциссизма являются психосоматические пациенты, их внутренняя деструктивность против своего тела говорит о том, что «раненый нарциссизм» не стал бастионом сопротивления деструктивности [2].

На мой взгляд, при онлайн работе с не-невротическими пациентами:

1. важно обратить внимание на то, какой способ инвестирования образа себя выбирает анализант в ответ на отсутствие тела аналитика и соответственно избыточное присутствие голоса:

- инвестирование Я (нарциссическое либидо захватывает Я);
- инвестирование не-Я (нарциссическое либидо захватывает не-Я);
- отказ от нарциссического инвестирования объектов (отказ от нарциссического захвата – тогда открывается дорога к деструктивности)

Напомню, что против избыточного присутствия голоса аналитика может развернуться работа негатива.

2. важно исследовать вместе с анализантом его способность трансформировать реальность.

G. Kohon (2017) пишет, что «согласование между Я - не Я, между тем, кто ты есть и его отрицанием лежит в сердцевине субъективности. Я хочу быть подобен самому себе и распознавать, где есть не Я. Стадия зеркала предлагает возможности для полной идентификации, открывая доступ к первичному нарциссизму. Одновременно рождается двойной субъект и Я и не-Я, формируется измерение подобный мне и не подобный. У нас, действительно, нет истинных границ между Я- не Я, есть лишь смутная переходная зона и есть спектр идентификаций, определяющий различные позиции, которые захватываются нашим нарциссическим либидо» [2].

В аналитической ситуации психоаналитик и является переходным объектом для анализанта, психоаналитик объект с помощью которого, он трансформирует реальность. Винникотт (1971) писал о переходном пространстве как пространстве перехода от аутоэротизма к внешней реальности [8].

Важно, что утрачивая совместное переходное пространство или, если оно подвергается значительным изменениям (речь о работе онлайн) - субъект, чтобы удержаться, выходит за пределы этого пространства, пытаясь вводить новые объекты, (они все нарциссически инвестированы) с помощью которых он может трансформировать реальность. Следовательно, можно сделать вывод, что в работе с не-невротическими субъектами, эффект при переходе в онлайн может проявиться в усилении нарциссического инвестирования внешних объектов, как подобных, так и не подобных, можно сказать, что в переходном аналитическом пространстве случается землетрясение и восстановление разрушенного. Это возможно в случае, если голос как основной канал общения в работе онлайн стал объектом

с помощью которого возможно достичь Другого. Если с помощью голоса не удалось достичь Другого и удержаться, то переход в онлайн приводит к утрате и так слабого нарциссического захвата аналитика и прерыванию анализа. Через отсутствие, через выпадение из реальности происходит превращение влечения из пассивной формы в активную на уровне действия бросания, но влечение не инвестирует нарциссическим либидо образ самого себя. Это частный случай работы негатива.

После ужасов Первой и Второй мировых войн, после столкновения с избыточным присутствием в жизни зла, деструктивности и крушения смыслов, когда напряжение голоса более уже не приводило к изменению реальности, а превратилось в «акустическое зеркало», которое дублировало и множило ужасы, культура как переходное пространство столкнулась с катастрофой. В этот период появляется постмодернистское художественное искусство, увлекающееся эстетикой небытия: создание форм пустоты, разрезов, превращения в ничто, тотальной деструкцией. Творческие люди работают над превращением образа бытия в образ небытия. Например, художники трансформируют абстрактную картину в объект с нарушенной поверхностью: холст режут, поджигают, перфорируют. Поверхность картины представляет из себя в этих случаях поле для насилия, разрушения [10].

Г. Коноп исследуя связь между искусством и психоанализом подчеркивает, что эстетика - это чувственная восприимчивость. В этом смысле и в культуре, и в искусстве существует эстетика бытия и присутствия и эстетика небытия и отсутствия. Эстетика небытия включает в себя не только создание форм пустоты, но и создание форм и образов вторжения, для этого задействуются элементы окружающей среды [3].

Например, художник, после войны создает работы, оборачивая холст пропитанными кровью бинтами. То есть, акт творения связывается с деструктивным действием над поверхностью холста [12].

Есть переживания и впечатления, которые невозможно ухватить и выразить с помощью создания художественных образов. У. Бюн, участвующий в сражениях Первой мировой войны, изучал формы выражающие действительность и исследовал механизмы ее выражения. Его идеи об α - и β - элементах близки постмодернистскому дискурсу:

а-элементы - это чувственные впечатления и эмоциональные переживания, в которые преобразовались зрительные, слуховые, обонятельные или другие образы в психической сфере. Эти элементы задействуются при возникновении мыслей сновидения, при бессознательном размышлении в состоянии бодрствования, в воспоминаниях;

в-элементы - это нетрансформированные чувственные впечатления и эмоциональные переживания. Они не годятся для размышления, сновидения, запоминания. Это «непереваренные» элементы, несимволизируемые переживания, сырой материал в психике, непригодный для психической переработки. [8]

Возвращаясь к не-невротическим субъектам, мы говорим о провале функции воображения. И это вопрос нарциссизма, себя следует вообразить и представить Другому, и, если захват Другого удался, то мы имеем дело с эстетикой бытия. Возможность создавать образы преобразовывает реальность в культуру, открывая дорогу переходу от аутоэротизма к внешней реальности.

Воображение обладает двумя способностями, которые использует искусство:

- изображать (воплощать в образы) – миметический, подражательный аспект искусства;
- выражать (воздействовать образами) – выразительный аспект искусства [10].

Выводы

Не-невротический субъект может столкнуться с субъективным провалом на этапе воображения своего нарциссического образа, и на этапе обнаружения выразительной силы своего образа.

Если провал касается первого этапа, то переход работы в режим онлайн может повторить травму, так как для создания образа себя необходимо присутствие реального тела, вызывающего аффекты.

Если на втором этапе, то перевод аналитической работы в онлайн режим может прервать работу на время, но она может быть возобновлена, так как у субъекта присутствует способность удерживать и восстанавливать совместное переходное пространство за счет нарциссического инвестирования других внешних объектов.

Литература:

1. Connor, S. (2004). The strains of the voice. In *Emotions in the Human Voice, Volume 3: Culture and Perception*. Plural Publishing.
2. Kohon, G. (2017). Some thoughts on the negative in the works of Eduardo Chillida. In *The greening of the psychoanalysis*, Edited by R. Perelberg and G.Kohon, Karnac Books.
3. Kohon, G. (2015). *Reflections on the aesthetic experience: Psychoanalysis and the uncanny*. Routledge.
4. Rosolato, G. (1974). *La voix: entre corps et langage*. *Revue Française de psychanalyse*, 38, 75-94.
5. Dos Santos, M. (2017). Musique, mémoire et émotion: les lamentations, un objet de la psychanalyse et de l'art-thérapie? *Cahiers d'ethnomusicologie*. Issue 30, p. 91-106.
6. Анзье, Д. (2011). *Я-кожа*. Ижевск: Ergo.
7. Анзье, Д. (2015). *Мышление: от Я-кожи к Я-мыслящему*, пер. с фр., под ред. С. Сироткиной, М. Мельниковой. Ижевск: ERGO.
8. Блон, У. (2008). *Научение через опыт переживания*. Москва. Когито-Центр.
8. Винникотт, Д. (2008). *Игра и реальность*. Москва: Институт гуманитарных исследований.
9. Грин, А. (2020). *Работа негатива*. Киев: изд. Ростислава Бурлаки.
10. Саенко, Н, Вальковский, А. (2011). *Небытие и пустота в арт-практиках постмодернизма*. Электронный ресурс artandyou.ru
11. Фрейд, З. (2007). По ту сторону принципа удовольствия. В книге *Психика: структура и функционирование*. Пер. А. Боковиков. Москва, Академический Проект.
12. Искусство и техника: как работают образы? (2020). Электронный ресурс www.monocler.ru